

Историк Милица Нечкина и культурно-интеллектуальная революция

В. В. Тихонов

Для цитирования: Тихонов В. В. Историк Милица Нечкина и культурно-интеллектуальная революция // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2019. Т. 64. Вып. 1. С. 256–265. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2019.115>

Первая треть XX в. — время культурно-интеллектуальной и научной революции, содержанием которой являются развитие так называемых модернистских направлений (символизм, футуризм и др.) и переход к неклассической модели науки. В этих условиях осуществлялось становление начинающего историка Милицы Васильевны Нечкиной. В статье показано, что на ее интеллектуальное развитие заметное влияние оказали философия Ф. Ницше, теория психоанализа З. Фрейда, а также научные теории В. И. Вернадского и А. Эйнштейна. Одним из стремлений Нечкиной стал междисциплинарный синтез гуманитарных и естественных наук. Одновременно в духе времени она признавала возможным синтез науки и искусства. Большое впечатление на Нечкину произвела книга Р. Ю. Виппера «Очерки теории исторического познания», в которой обосновывался эмпириокритицистский взгляд на историческое познание. Она согласилась с мнением о том, что историческое знание конструируется исследователем. В статье особенно отмечается интерес Нечкиной к психоанализу, который был для нее методом исследования, в том числе и собственной внутренней жизни. Специально анализируется небольшое сочинение Нечкиной «О любви, революции, зеленой лампе...», в котором психоанализ применен для осмысления своего места в мире. Отдельно рассматривается отношение Нечкиной к некоторым представителям марксистского направления. Автор приходит к выводу, что насыщенный культурно-интеллектуальный фон стал питательной средой для формирования сложной теоретико-методологической позиции, которую можно маркировать как модернистскую. В то же время Нечкина не отрицала и традиционных историографических подходов. Подчеркивается, что свойственный ее более позднему научному творчеству «психологизм», гуманитарный синтез — все это наследие культурно-интеллектуальной революции, в которой происходило становление Нечкиной как историка. Исследование выполнено на основе источников личного происхождения, в том числе и ранее не вводившихся в научный оборот материалов личного фонда М. В. Нечкиной в Архиве Российской академии наук.

Ключевые слова: историография, интеллектуальная революция, М. В. Нечкина, фрейдизм, марксизм.

Виталий Витальевич Тихонов — канд. ист. наук, вед. науч. сотрудник, Институт российской истории РАН, Российская Федерация, 117292, Москва, ул. Дмитрия Ульянова, 19; tihonovvitaliy@list.ru

Vitaly V. Tikhonov — PhD in History, Leading Researcher, Institute of Russian History RAN, 19, ul. Dmitry Ulyanov, Moscow, 117292, Russian Federation; tihonovvitaliy@list.ru

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2019

Historian Militsa Nechkina and the Cultural and Intellectual Revolution

V. V. Tikhonov

For citation: Tikhonov V. V. Historian Militsa Nechkina and the Cultural and Intellectual Revolution. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2019, vol. 64, issue 1, pp. 256–265. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2019.115> (In Russian)

The first third of the 20th century was the time of cultural-intellectual and scientific revolution, whose essence concerned the development of so-called modernist trends (symbolism, futurism, etc.) and the transition to a non-classical model of science. A novice historian Milica Vasilyevna Nechkina matured in these circumstances. The article shows that her intellectual development was significantly influenced by the philosophy of Freud, the theory of psychoanalysis and the scientific theories of V. I. Vernadsky and Einstein. One of Nechkina's aspirations was an interdisciplinary synthesis of the Humanities and natural Sciences. At the same time, in the spirit of the time, she recognized the possibility of the synthesis of science and art. Nechkina was greatly impressed by the book "Essays on the theory of historical knowledge" by R. Vipser, which justified the empiricist view of historical knowledge. She agreed with the view that historical knowledge is constructed by the researcher. The article especially emphasizes Nechkina's interest in psychoanalysis, which was her method of research, including her own inner life. A small essay by Nechkina "About love, revolution, green lamp...", in which psychoanalysis is applied to comprehending one's place in the world, is examined in the article. The attitude of Nechkina to some representatives of the Marxist trend is considered separately. The author comes to the conclusion that the rich cultural and intellectual background became a breeding ground for the formation of a complex theoretical and methodological position, which can be perceived as modernist. At the same time, Nechkina did not deny traditional historiographical approaches. It is stressed that "psychologism", humanitarian synthesis characteristic of her later scholarly work was the heritage of cultural and intellectual revolution, against whose background Nechkina emerged as a historian. The study was carried out on the basis of the sources of personal origin, including materials from the personal fund of M. V. Nechkina in the Archive of the Russian Academy of Sciences previously not introduced into the scholarship.

Keywords: historiography, intellectual revolution, M. V. Nechkina, Freudianism, Marxism.

Становление Милицы Васильевны Нечкиной (1899–1985) как человека и ученого-историка пришлось на уникальную эпоху ломки традиционной картины мира, произошедшей в конце XIX — первой трети XX в.¹ Условно данную эпоху можно маркировать как «модернистскую». Под «модернизмом» понимается широкий спектр течений в культуре конца XIX — первой трети XX в., ищущих новые, отличные от классики, формы осмысления мира и человека. Культурный «модернизм» тесно переплетен с переходом от классической к неклассической модели науки. Это время было наполнено революционным пафосом отрицания традиционного мира, поиском новых идей и форм, способных определить место и роль человека и общества в стремительно меняющемся мире.

Перемены были многовекторными. Происходила культурная революция, развившаяся в замещении реализма различными модернистскими течениями в ли-

¹ Об этом см.: Русская интеллектуальная революция 1910–1930-х годов: материалы Международной конференции. М., 2016.

тературе, живописи, архитектуре. Все больший интерес привлекает человеческая индивидуальность, которая помещается в контекст несправедливого и несовершенного мира. Символом времени стал «человек бунтующий», индивидуалист, и одновременно человек страдающий, в том числе и за свой индивидуализм. Это легко уживалось с поисками новых, справедливых для всех форм общественного бытия, в которых личность могла бы раскрыть свою сущность. Особенностью эпохи был и поиск новой формы религиозности и религиозного опыта, выходящего за рамки официальных церковных доктрин. Яркий российский феномен — религиозная философия конца XIX — начала XX в., стремившаяся синтезировать рационализм и иррациональный религиозный опыт.

Научная революция, определившаяся новыми научными открытиями (рентгена, радиоактивности, микромира и т. д.), фактически разрушила привычную научную картину мироустройства. Символом новой научной картины мира стала теория относительности, сформулированная А. Эйнштейном. Теперь любую «истину» можно было поставить под сомнение.

На смену прямолинейному рационализму позитивизма приходила более сложная модель познания, признающая особую роль субъекта познания — ученого, предстающего теперь не простым фиксатором объективной реальности, а выступающего почти творцом, привносящим даже в научное знание особенности своей личности. В радикальной форме сомнение в способности познания объективной реальности проявились в эмпириокритицизме. Его основоположниками считаются Э. Мах и Р. Авенариус, которые, опираясь на философскую традицию, идущую от Юма и Беркли, а также на новейшие достижения науки, доказывали, что необходимо обратить особое внимание на познающего субъекта, его психологию и восприятие реальности². В отечественной исторической науке идеи эмпириокритицизма выразил Р. Ю. Виппер в своей книге «Очерки теории исторического познания» (М., 1911, 284 с.), в которой доказывал, что знание о прошлом в значительной степени конструируется историком.

Стоит отметить повышенное внимание к психологии³. Особую популярность приобрел психоанализ З. Фрейда, согласно которому человек — это не рациональное существо, как это представляла рационалистическая философия, а терзаемое инстинктами и комплексами создание, лишь внешне действующее согласно разуму. Настоящим властителем дум был Ф. Ницше, призывавший критически переосмыслить все ценности и утверждавший философию крайнего индивидуализма. «Воля к власти» объявлялась центральным онтологическим и гносеологическим понятием, а «сверхчеловек» — конечной целью бытия. В России идеи и эстетика Ницше быстро нашли признание⁴.

² О влиянии эмпириокритицизма на представителей русского революционного движения см.: *Стейла Д.* Наука и революция: рецепция эмпириокритицизма в русской культуре (1877–1910 гг.) / пер. с ит. О. Поповой. М., 2013.

³ О развитии психологии в России см.: *Сироткина И., Смит Р.* История психологии в России: краткий очерк с авторскими акцентами. Препринт. М., 2016.

⁴ *Синеокая Ю. В.* Восприятие идей Ницше в России: основные этапы, тенденции, значение // Фридрих Ницше и философия в России: сб. статей. СПб., 1999. С. 7–37; *Осовский О. Е., Дидова О. Б.* Ницше в России глазами зарубежных исследователей // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература: реферативн. ж-л. Сер. 7. Литературоведение. Реферативный журнал. 1997. № 4. С. 98–114.

Описанные явления и процессы являли собой насыщенный фон развития личности и мировоззрения Нечкиной. Сложное переплетение культурных и интеллектуальных контекстов придавало процессу ее становления как ученого довольно противоречивый характер. Дневники Нечкиной наполнены описанием освоения ею культурных богатств. Интерес Нечкиной вызывал властитель дум конца XIX — начала XX в. Фридрих Ницше. Уже в 17-летнем возрасте в ее дневниковых записях можно обнаружить очевидные ницшеанские мотивы: «Мне кажется, что все мысли, записанные мною сегодня, да и не только сегодня, а и прежде, — мысли большие, какие-то “сверхчеловеческие”»⁵. Из сочинений Ницше Нечкина внимательно читала «Волю к власти».

Наряду с научной и философской литературой Нечкина почти каждый день читала художественную и старалась ознакомиться со всеми направлениями, как классикой, так и модернистскими течениями — символизмом, футуризмом и т. д. Особый интерес молодой девушки вызывала современная ей поэзия⁶.

Следует подчеркнуть, что Нечкина акцентирует родство между поэзией и наукой. Такое утверждение явно выходит за рамки позитивистской парадигмы, стремившейся максимально дистанцироваться от традиции рассматривать гуманитарное знание как разновидность искусства, и тесно соприкасается с идеей синтеза форм познания мира, свойственной многим представителям модернизма⁷. Нечкина считала, что для познания человека требуется взглянуть на него с разных точек зрения, но при помощи одного метода: «Многие добрые знакомые упрекают и удивляются, особенно хороша фраза: “Ведь искусство не ваша специальность”. И только одна я знаю, что все эти разнообразные темы спаяны одной: человек»⁸. Не случайно на протяжении довольно длительного времени Милица Васильевна вела курс «Социология искусства» и даже какое-то время в 1921 г. возглавляла кафедру по социологии искусства в Государственных художественных мастерских⁹.

Готовясь к курсу лекций по социологии искусства и прорабатывая огромное количество разнообразной литературы, размышляя над статьей-рефератом Б. Лезина «Психология поэтического и прозаического мышления (из лекций А. А. Потебни)», Нечкина записала: «Для меня наука почти тождественна с поэзией. Особенно важно это то, что каждое научное познание м[ожет] б[ыть] моментально превращено в поэтическое посредством перенесения значения, так же как в слове»¹⁰.

Огромное впечатление на Нечкину произвела книга Р. Ю. Виппера «Очерки теории исторического познания» (М., 1911). Как уже указывалось выше, Виппер стал наиболее ярким выразителем эмпириокритицизма в исторической науке¹¹. С его взглядами солидаризировалась и Нечкина: «Ее смысл [книги. — В. Т.]: исто-

⁵ «И мучилась, и работала невероятно». Дневники М. В. Нечкиной / сост., автор вступ. ст. и коммент. Е. Р. Курапова. М., 2013. С. 82.

⁶ Сидорова Л. А. Советские историки: духовный и научный облик. М., 2017. С. 66.

⁷ Волженина Е. В. Жизнетворчество грубых гуннов, или Модернизм — массам. М., 2018. С. 63.

⁸ «И мучилась, и работала невероятно»... С. 134.

⁹ Там же. С. 128.

¹⁰ О социологии искусства, политической экономии, историческом материализме. Конспекты, заметки // Архив Российской академии наук. Ф. 1820. Оп. 1. Ед. хр. 167. Л. 210.

¹¹ Описание его взглядов на гносеологические проблемы см.: Малинов А. В. Теоретико-методологические искания в русской исторической и философской мысли второй половины XIX — начала XX века. СПб., 2009. С. 262–365.

рическое знание почти сплошь — фикция: мы изучаем не историю, а наше представление об истории, которое изменчиво и действительности не соответствует; исторические периодизации — наши измышления... понятие о факторах — грубо... В своем скепсисе Виппер прав, и мы изучаем именно не историю, а то, что мы думаем об истории»¹². Далее Нечкина развивает концепцию Виппера: «Но недо-конченность книги Виппера как раз в том, что он не указал, что это — единственно возможный для человека подход, существующий во всех науках (особенно здесь важен тот пункт у Виппера, что он доказывает тождество методов естественных и исторических наук), а затем — это т[ак] ск[азать] “фигтивное” знание человечеству нужно. Историческое знание строится — ясно — по типу любого знания, — с[оо]тв[етственно]. Построение человеческого ума, которое, по Випперу, и изучаем мы в истории, — и восприятие действительности... и искусство. Все один тип. Это важно отметить. Это — единственно возможное и единственно нужное познание». Итак, Нечкина встает на позицию, согласно которой в работе исследователя историческая «реальность» является не только отражением, точнее восприятием, но и возникает как следствие творческого усилия. Фактически речь идет о конструировании образа прошлого.

Все же Нечкина не была «оголтелым» модернистом в методологии. Она вполне признавала и более традиционные подходы. В частности, она сомневалась во все-силлии социологических и психологических методов. Фиксируя свои мысли в связи с чтением книги Эмиля Геннекена «Опыт построения научной критики (эстопсихология)» (СПб., 1892), Нечкина писала: «Самое ценное в книге, по моему, — программа эстетического анализа: изучения сначала словаря писателя, затем построения фраз, сцен, глав и, наконец, всего романа (например)»¹³. Важно, что Нечкина реализовала данный подход не только при анализе художественной литературы, но и при исследовании историографии. Например, в книге об экономическом материализме анализ композиции играл важную роль¹⁴.

Психология имела важнейшее значение в мировоззрении и исследовательском инструментарии Нечкиной. 29 января 1923 г., т. е. уже после окончания историко-филологического факультета и публикации первой монографии, она призналась: «Ночью... очень мучилась избранной специальностью, надо бы психологию»¹⁵. Естественно, серьезный интерес вызывали работы Фрейда. В большей степени Нечкину интересовали его труды по психологии творческой личности. Она не только их читала, но и делала в мае 1921 г. доклад о психоанализе Фрейда в казанском Обществе психиатров и невропатологов. Причем положения фрейдизма докладчица явно соотносила со своей духовной жизнью: «...Читала большой доклад “К вопросу о сублимации в учении Фрейда”, это официальное заглавие, а фактическое содержание — подробный рассказ о моем третьем мире. Очень счастлива, необыкновенно хорошо»¹⁶. В дневнике прямо говорится о докладе «о самой себе». Кроме того, Нечкина регулярно посещала психоаналитический кружок.

¹² О социологии искусства, политической экономии, историческом материализме... Л. 85.

¹³ Мысли о книгах. Дневниковые записи // Архив Российской академии наук. Ф. 1820. Оп. 1. Ед. хр. 254. Л. 7.

¹⁴ Нечкина М. В. Русская история в освещении экономического материализма. (Историографический очерк). Казань, 1922.

¹⁵ «И мучилась, и работала невероятно»... С. 245.

¹⁶ Там же. С. 196.

Вообще тема сексуальности очень заметна в дневниках Нечкиной и проходит в них красной нитью на протяжении всего казанского периода ее жизни. Так называемая «проблема пола», сильно волновавшая российское культурное общество начала XX в., ярко и где-то скандально воплотилась в культуре Серебряного века, в частности в философии. Метафизические искания подпитывались вполне земными проблемами. Все острее вставали проблемы роли женщины в обществе, ее правах (в том числе и политических), женском образовании и т. д. Но пол рассматривался не только как онтологическая (в том числе и социальная), но и гносеологическая проблема. То есть пол представлял инструментом познания мира. Нечкину ее место в обществе как женщины начало волновать очень рано, еще в подростковом возрасте. Она была категорически не согласна с утверждением В. Г. Белинского о том, что женщина не может стать писательницей (фактически заниматься творческой деятельностью)¹⁷. Очевидно, по мере взросления, осознания собственных способностей и роста амбиций, несогласие только усиливалось.

Еще до революции женщины получили право на высшее образование. Когда Нечкина обучалась в университете, женщин наделили и политическими правами. Но к тому времени молодую девушку волновали не только вопросы социального и политического равноправия. Немалую роль в ее жизни начали играть межполовые отношения. Нечкина — человек книжный, поэтому даже здесь она сначала вооружилась «толстой книжкой», из которой почерпнула теорию взаимоотношения полов. Очевидно, что в первое время учебы в университете, где в отличие от гимназии разделения по половому принципу уже не было, общение с представителями мужского пола давалось ей нелегко: в дневнике находим словосочетание «кошмар половой игры»¹⁸. Большой интерес Нечкиной вызывала теория Фрейда о творчестве как сублимации сексуальной энергии. В июне 1919 г. она делает следующую запись в своем дневнике: «Если увлекусь, как историографией, то надолго буду в безопасности от всех “женских” мук»¹⁹. И наконец, признание в январе 1922 г. самой себе: «Говорю сейчас о науке не как о системе уже выработанных, добытых истин, а как о носителнице бесконечных возможностей. И о мужчине говорю также. И науку я люблю, как мужчину...»²⁰

Советское государство декларировало равноправие женщин и призывало к борьбе с их социальным угнетением. Нечкина также интересовалась положением женщины при социализме, в частности, читала книгу немецкого марксиста Августа Бебеля «Женщина и социализм». Заинтересовала ее и проблема проституции.

Психология (психиатрия) в начале XX в. преподавалась на медицинских факультетах и считалась пограничной областью знания между науками о духе и физиологией. Синтез естественных и общественных наук глубоко волновал Нечкину. В дневнике находим следующую запись от 28 января 1923 г.: «Прямо не могу жить без естественных наук»²¹. Она живо интересовалась трудами В. И. Вернадского и А. Эйнштейна. Большое впечатление на нее произвела книга Вернадского «На-

¹⁷ Там же. С. 63–64.

¹⁸ Там же. С. 92.

¹⁹ Там же. С. 99.

²⁰ Там же. С. 136.

²¹ Там же. С. 245.

чало и вечность жизни» (1921). «Замечательная книга. Очень много дала»²², — записала она свои впечатления. Она жалеет, что Вернадский скорее виталист, т. е. сторонник того, что в живых организмах существует нематериальная сверхъестественная сила, управляющей жизненными явлениями, а не механист (сторонник механического взгляда на процессы в мире; механисты придерживались классической механики Ньютона и критиковали за идеализм теорию относительности Эйнштейна). Позиция механистов казалась Нечкиной ближе к истине. Многие идеи книги совпали с ее взглядами на психологию научного творчества: «Многочисленный материал по психологии научного творчества, вполне согласующийся с моими мыслями о биологическом значении психики, об индивидуальной, творимой среде, — среда есть психологическое понятие и вообще о научном творчестве»²³.

Внимательно знакомилась Нечкина и с теорией относительности А. Эйнштейна. Сохранился подробный конспект его работы «О специальной и общей теории относительности», сделанный 26 декабря 1922 г.²⁴ Размышлений о прочитанном в конспекте нет. Стоит отметить, что на современников, в том числе и гуманистов, теория относительности произвела колоссальное впечатление. Знаменитый французский историк, один из основателей школы Анналов Л. Февр подчеркивал влияние теории относительности на его поколение ученых: «...фактической отправной точкой всех новых концепций, овладевших учеными... была великая и драматическая теория относительности, потрясшая все здание науки, каким оно представлялось людям моего поколения в годы их юности»²⁵.

Настоящей квинтэссенцией психоаналитической рефлексии стало небольшое произведение Нечкиной «О любви, революции, зеленой лампе, Карле Марксе, гистологии, поцелуях, покаянии, а также о Мефистофеле, Дон-Кихоте и многих других разнообразных, но чудесных вещах» (1922–1924). Сочинение построено в форме отрывочных, полных символики импрессионистских зарисовок, напоминающих стихотворения в прозе (форма, вполне характерная для Серебряного века), и повествует о несчастной любви. Посвящение — «Любимому». Можно смело утверждать, что под любимым подразумевается профессор Казанского университета, гистолог Г. Я. Трошин, с которым у Нечкиной был роман. В 1923 г. он эмигрировал и звал ее с собой, но она отказалась²⁶. Любовь к человеку тесно переплетается с любовью к науке. Упомянутая выше фраза «И науку я люблю, как мужчину...» не случайна. Уже первый отрывок этого сочинения насыщен символами: «На столе лампа под вечнозеленым абажуром. Около чернильницы стоят две большие черные статуэтки: Дон-Кихот и Мефистофель. Это он подарил мне перед отъездом»²⁷. Он — уехавший из страны Трошин. То есть история любви разворачивается с финала. Зеленая лампа — не только распространенный в начале XX в. кабинетный аксессуар, но, возможно, и аллюзия к литературному обществу «Зеленая лампа» (1818–1820),

²² О социологии искусства, политической экономии, историческом материализме... Л. 71.

²³ Там же.

²⁴ Там же. Л. 389–395.

²⁵ Февр Л. Бои за историю. М., 1991. С. 32.

²⁶ Курапова Е. Р. Милица Васильевна Нечкина: образ в истории // «И мучилась, и работала невероятно». Дневники М. В. Нечкиной. М., 2013. С. 10.

²⁷ Нечкина М. В. О любви, революции, зеленой лампе, Карле Марксе, гистологии, поцелуях, покаянии, а также о Мефистофеле, Дон-Кихоте и многих других разнообразных, но чудесных вещах // «История в человеке» — академик М. В. Нечкина. М., 2011. С. 1005.

в котором состояли многие будущие декабристы и Пушкин, где собственно зеленая лампа символизировала свет и надежду²⁸. Интересно, что зеленая лампа станет названием созданного в 1927 г. эмигрантского литературно-философского кружка Мережковских. Дон-Кихот — персонаж знаменитого романа. Он символизирует что-то старомодное, наивное, чистое, доброе, «не от мира сего». Наконец, Мефистофель очевидно заимствован из «Фауста» Гёте, где этот персонаж — воплощение скептического и циничного ума.

Дон-Кихот и Мефистофель живут своей жизнью, но, по сути, они Альтер эго героини. Первый — ее светлая сторона, второй — темная. Они всегда спорят. Можно предположить, что перед нами олитературенная версия концепции личности З. Фрейда, который выделял «Я», «Оно» и «Сверх-Я». Мефистофель («Оно») — это символ инстинктивных влечений, Дон Кихот («Сверх-Я») — моральные и культурные установки, сдерживающие инстинкты. «Я» — героиня, личность, объединяющая в себе «Сверх-Я» и «Оно».

Собственно развитие истории происходит в антураже книг и книжных образов. Упоминается В. О. Ключевский (творчество которого исследует героиня), Шекспир, А. Франс и многие другие книги и авторы. В сущности, героиня — человек книжный: «Я хочу себя уверить, что жить среди книг не страшно. Когда поздно вечером, а иногда ночью, я возвращаюсь домой со своего или чужого доклада, я ищу в темноте холодное колесико электрической лампы на столе. Ищущая рука сначала встречает толстый ряд книг, стоящих по краю и огибающего стол с трех сторон. Я знаю этот ряд наизусть...»²⁹

Но уход в книжный мир оказывается формой эскапизма. «Сколько книг... — говорит Дон-Кихот. — Кабинет ученой женщины... Ученой девушки... Как странно...» Мефистофель смеется: «...Девушки? Девушка — знающая о тайнах пола — девушка? Жаждающая любви душа разве невинна... Глупо...»³⁰ Он саркастично говорит, что книги — ее баррикада от жизни. Особую роль играет томик Эйнштейна. Чтение Эйнштейна — это и воспоминание о любви, и самоутверждение молодого ученого, потому что остальные удивляются, зачем ей, историку, читать Эйнштейна. «Как объяснить им, что наука едина? Как рассказать им, что все — во мне?», — спрашивает героиня произведения «О любви, революции, зеленой лампе...». И еще: «Радость синтеза. Все разное — и все одно, ибо все во мне. И все пронизано моею радостью, — потому что все — в моем радостно бьющемся сердце»³¹. Но, очевидно, что «синтез» происходит тогда, когда она вместе с возлюбленным. Возможно, и любовь к профессору — оттого, что ей самой «хочется скорее быть профессором». Но — в романтических традициях — быть навсегда вместе им не суждено. В тексте не случайно появляется библейская история о смоковнице, которую Иисус проклял за то, что на ней не было плодов, но ведь еще «не время было собирания смокв». Нечкина не понимает такую жестокость. Возможно, здесь Иисус — ее возлюбленный, несправедливо требующий от нее (смоковницы) слишком многого. В тексте недвусмысленно проявляются ницшеанские мотивы: «Самое прекрасное

²⁸ Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII — начало XIX века). СПб., 2002. С. 360–364.

²⁹ Нечкина М. В. О любви, революции, зеленой лампе... С. 1009.

³⁰ Там же. С. 1012.

³¹ Там же. С. 1005.

в мире — это три явления, — Любовь, Наука и Власть... Ведь Любовь — есть познание, а познание — это Наука. И Любовь есть Власть — и любимого над любимым... И познание — всегда власть»³². Можно добавить, что любовь и наука — это воля к власти.

Последняя сцена посвящена разговору с Дон-Кихотом и Мефистофелем. Это разговор о том, что делала Нечкина во время революции, на чьей стороне оказалась, фактически — разговор о ее будущем, о ее месте в новом мире. «Это было осенью. Это было в октябре. Это был тот самый решающий день. Фронт пролет через улицы того города, где ты жила. Класс шел против класса, решалась судьба революции. Росли баррикады, грохотали выстрелы. Что ты делала в это время?.. Я читала Шекспира»³³. Почему это разговор о будущем? Нечкина сама себе задавала вопрос: а может ли она, для которой томик Шекспира оказался важнее революции, быть своей в новом мире, где все четко поделены на своих и чужих? Далее она ставит вопрос, что же ей делать: «...Плакать? Каяться? Просить прощения?.. Нет, говорит Мефистофель... Очевидно нужно что-то четвертое. Дура»³⁴. Может быть, именно в это время она решала для себя, ехать ли ей в Москву и поступать в ИКП? Несомненно, данный текст лучше всего передавал душевные метания Нечкиной, оказавшейся перед выбором дальнейшего пути.

Непростым было и «приобщение» Нечкиной к марксизму. Первоначально в ее лексиконе марксизм и социализм были синонимами. Она читала А. Бебеля и М. И. Туган-Барановского. Знакомство с Марксом и Энгельсом первоначально произошло через энциклопедические статьи, затем она узнала и других представителей марксизма, что в значительной степени подогревалось и победой большевиков, позиционировавших себя как марксистская партия. Особенно интенсивное изучение марксизма пришлось на время написания сочинения по экономическому материализму. За это время сложились ее собственные симпатии и антипатии. Так, прочтя книгу К. Каутского «Экономическое учение Карла Маркса» (русское издание 1922 г.), она записала свои впечатления: «Каутского не люблю. Тяжесть его слога и неясность композиции и отдельных мыслей...»³⁵. Чтение работы В. И. Ленина «Государство и революция» стало поводом к признанию: «Очень нравится Ленин как ученый; из всех марксистов русских теоретиков люблю: Ленина, Покровского и “неподражаемого” Стучку»³⁶.

Внимание к марксизму, обусловленное не только интересами самой Нечкиной, но эпохой и общественно-политическими реалиями Советского Союза, только усиливалось. Описанные выше модернистские компоненты ее теоретико-методологических исканий, становились все менее заметными в работах второй половины 1920-х — 1930-х годов. Это хорошо вписывается в общий вектор развития русского модернизма, сменившегося в 1930-е годы сталинской неоклассикой. Показательно, что смена культурных координат тесно переплеталась и с отказом от экспериментальной в сущности формы историописания, вырабатываемой в 1920-е

³² Там же. С. 1008.

³³ Там же. С. 1012–1013.

³⁴ Там же. С. 1013.

³⁵ О социологии искусства, политической экономии, историческом материализме... Л. 172.

³⁶ Там же. Л. 218.

годы, и с возвратом к классическому историческому нарративу и марксистизированному позитивизму в 1930-е годы.

Однако интеллектуальная революция первой трети XX в. не прошла даром, во всяком случае для Нечкиной. Свойственный ее более позднему научному творчеству «психологизм», гуманитарный синтез — все это наследие культурно-интеллектуальной революции, в которой проходило становление Нечкиной как историка. Следует отметить, что пример Нечкиной не единичен. Еще более ярко стремление к синтезу проявилось у Б. Ф. Поршнева, чье становление как ученого приходится на те же годы³⁷. Это позволяет поставить вопрос о месте наследия теоретико-методологических поисков 1920-х годов в советской историографии более позднего периода.

References

- Fevr L. *Boi za istoriiu*. Moscow, Nauka, 1991, 635 p. (In Russian)
- Lotman Yu. M. *Besedy o russkoi kul'ture: byt i traditsii russkogo dvorianstva (XVIII — nachalo XIX veka)*. St. Petersburg, Iskustvo-SPb, 200, 435 p. (In Russian)
- Malinov A. V. *Teoretiko-metodologicheskie iskaniiia v russkoi istoricheskoi i filosofskoi mysli vtoroi poloviny XIX — nachala XX veka*. St. Petersburg, St. Petersburg University Press, 2009, 335 p. (In Russian)
- Nechkina M. V. *Russkaia istoriia v osveshchenii ekonomicheskogo materializma. (Istoriograficheskii ocherk)*. Kazan', Gosizdatel'stvo, 1922, 204 p. (In Russian)
- Osovskii O. E., Didova O. B. *Nitshe v Rossii glazami zarubezhnykh issledovatelei. Sotsial'nye i humanitarnye nauki. Otechestvennaia i zarubezhnaia literatura. Referativnyi zhurnal. Seria 7. Literaturovedenie*, 1997, no. 4, pp. 98–114. (In Russian)
- Sidorova L. A. *Sovetskie istoriki: dukhovnyi i nauchnyi oblik*. Moscow, IRI RAN, 2017, 248 p. (In Russian)
- Sineokaya Yu. V. *Vospriiatie idei Nitsshe v Rossii: osnovnye etapy, tendentsii, znachenie. Fridrix Nitsshe i filosofiiia v Rossii. Sbornik statei*. St. Petersburg, 1999, pp. 7–37. (In Russian)
- Sirotkina I., Smit R. *Istoriia psikhologii v Rossii: kratkii ocherk s avtorskimi aktsentami*. Moscow, 2016, 60 p. (preprint). (In Russian)
- Steila D. *Nauka i revoliutsiia: Retsepsiia empiriokriticizma v russkoi kul'ture (1877–1910 gg.)*. Transl. from Italian O. Popova. Moscow, Akademicheskii proekt, 2013, 363 p. (In Russian)
- Volzhennina E. V. *Zhiznetvorchestvo grubyykh gunnov, ili Modernizm — massam*. Moscow, AIRO-XXI, 2018, 208 p. (In Russian)

Статья поступила в редакцию 29 августа 2018 г.

Рекомендована в печать 30 ноября 2018 г.

Received: August 29, 2018

Accepted: November 30, 2018

³⁷ Рыжковский В. Был ли у русской революции свой Гегель? Борис Поршнев и его «Критика человеческой истории». URL: // <http://gefter.ru/archive/22681> (дата обращения: 12.11.2018).